

Рустам Мавлиханов (Будда)

Родился 15 июля 1978 года в г. Салавате (Башкирия). Публиковался в журналах и альманахах «Журнал ПОэтов», «Нева», «Изящная словесность», «Крещатик», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Метаморфозы», «Бельские просторы», «Истоки», «Балтика», «Идель», «Сура», «Воскресенье», «Полночь в Петербурге», «ЛиФФт», «Уральский книгоход», в еженедельнике «Истоки». Живёт в Салавате.

Бесконечное

Дождь как цитата из Брэдбери.

Юные – умерших каверы,

Тропы усеяны перьями

Крыльев

– вчekanено в аверсы.

Дождь как забвение времени.

Миги бьют дробью по вечности,

Память как всадник без стремени,

Вдох

– тополиною клейкостью.

Дождь проникает в извилины

Нор, что проедены душами

Тёплыми, гневными, сильными

В Духе

– опутано кружевом.

Дождь голограммой адовой,

Струи – поток неизжитого,

И я сижу, грежу радугой

В ливне

– завесой сокрытое.

Дождь обнажает пред судьями

Прошрое, множится каплями,

Сумерки делятся сутями

Правд

– словно мягкими лапами.

Дождь гладит кожу дремотою.

Судьбы отдраены севером,

Дождь нам вернёт с неохотою

В руки

– цитируя Брэдбери.

Дождь словно мёртвые каверы.

Дождь – это рондо бескрайнее.

Дождь высекает на аверсах

Воронов

– рваными стаями.

Дождь грезит мною и радугой.

Кости швырнув в молох времени,

Дождь не трепещет пред ладаном

Птицей

– усеянной семенем.

Дождь тешит землю надеждою...

Тайная жизнь татарских поэтов

На озере Чад рыбаки одиноко
Неводом тянут улов.
И бродит вокруг, как жираф темноокий,
Русский шпион Гумилёв.

Он знает, что где-то в полуночных странах,
Диких и мёртвых на вид,
В галдящем бедламе Ахматова Аня,
Знойная телом, не спит.

В руке её тонкой абсент с папиросой
Нервно и мелко дрожит.
И взглядом со сцены монгольско-раскосым
Хлебников манит в Коц'ит.

В антракте Сен-Санса библейским пророком,
Миру не дав малый шанс,
Играет квартет. И предчувствием рока
Город укрыл декаданс.

Часы на стене отсчитают мгновенья,
Стает Тринадцатый год.
Анюта томится желаньем с сомненьем:
Бунин глядит, словно кот.

Не знает она, что в далёкой саванне,
Скинув винчестер под тент,
Ласкает грудь смуглой трепещущей лани
Тайный Генштаба агент.

О словах

Всем добрый вечер! Всем, причастным к слову,
Кто будит словом ум – иль плоть девиц,
Всем, кто несёт на языке оковы
И в слове ищет выход из темниц,

И тем, кто, как Прокруст на жёстком ложе,
Слова кромсает в перекрестьях строк,
До крови, с плеч кости сдирая кожу,
Чтоб крыльев свет их оправдал порок, –

И тем, кто, как рыбак в преддверье шторма,
Забросив невод, ждущий свой улов,
Чтит бога смыслов и богиню формы,
Отдавшись воле первородных слов,

Что точат нас, как воды точат скалы,
В песок стирая бытия гранит,
Надежды нашей лунный свет опалов
И истины заклятый малахит.

Итог нам – камень, дети звёздной пыли!
Судьба – стать в яшме тонкою чертой.
Но мы, сердца покуда не остыли,
Наполним домны жизни слов рудой.

И пусть наш голос тонет в белом шуме,
Пусть громче алчный, слаженный их хор,
Мы – не они! – для мира вечный блюминг!
Мы – ляжем в основанья новых гор!

В степи после дождя

Я источаю запах бани –
Берёзовой листвы и пара:
Ночным озоном, утром ранним
Погода истоиво мьянмарит,

И увертюрой для солиста –
Треск восходящего пожара.
К полудню небо снова чисто
И ветер остр, горюч, сахарен;

В обед – под сорок. Выпью чаю –
Горячего, с лимоном, мёдом.
И, гумилевствуя о Чаде,
Меконгом проведу в мир дрёмы,

Где Степь и пекло, воздух жидкий –
Нырни, свободы сдайся плену:
В грозу* тут высохнешь до нитки;
Озябнешь от своей же тени

И грудью припадёшь прохладной
Согреть впитавшую зной кожу, –
Слегка безумствуя руандно,
Имбирно, ласково, камбоджно.

---

* В грозу до нитки – тут бывают сухие грозы, когда до земли доходят только молнии; сам дождь испаряется на подлёте.

Самум

Моё тело – песок,
Мои разумы – ветер пустыни:
Иссушающий вдох,
Выдох – плетью на плечи рабыни.

Моя кровь холодна –
Закипает на бледной полыни,
Мои жизни – вода –
Оставляют лишь трещины в глине.

И сомненье как эхо,
Злой огонь в скалах голых ущелий.
Умирать мне не к спеху –
Даже смерть не имеет здесь цели.

Это тело бредёт,
Поглощая в оазисах пальмы.
Джинна долгов излёт
К истреблению метящий страны.

И багровой звездой
Царь печалей всего мирозданья –
Первозданный изгой,
Непростившее Бога создание.